

Ужели думаете вы, что Геснер⁵ мог бы столь прелестно изображать невинность и добродушие пастухов и пастушек, если бы сии любезные черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть автором: читай историю несчастий рода человеческого — и если сердце твое не обольется кровию, оставь перо, — или оно изобразит нам хладную мрачность души твоей.

Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открыт путь во чувствительную грудь твою; если душа твоя может возвыситься до *страсти к добру*, может питать в себе святое, никакими сферами не ограниченное *желание всеобщего блага*: тогда смело призывай богинь парнасских — они пройдут мимо великолепных чертогов и посетят твою смиренную хижину — ты не будешь бесполезным писателем — и никто из добрых не взглянет сухими глазами на твою могилу.

Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения — все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством; если не оно разгорячает воображение писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будет его наградою.

Отчего Жан-Жак Руссо нравится нам со всеми своими слабостями и заблуждениями? Отчего любим мы читать его и тогда, когда он мечтает или запутывается в противоречиях? — Оттого, что в самых его заблуждениях сверкают искры страстного человеколюбия; оттого, что самые слабости его показывают некоторое милое добродушие.

Напротив того, многие другие авторы, несмотря на свою ученость и знания, возмущают дух мой и тогда, когда говорят истину: ибо сия истина мертва в устах их; ибо сия истина изливается не из добродетельного сердца; ибо дыхание любви не согревает ее.

Одним словом: я уверен, что дурной человек не может быть хорошим автором.

Несколько слов о русской литературе. Письмо в «Зритель» о русской литературе

С удовольствием откликаюсь, милостивый государь, на любезное ваше приглашение и берусь за перо, чтобы начертать несколько слов о нашей литературе, каковую вы сочли достойной внимания ваших читателей. Да, сударь, в каждом климате встречаются дарования, и даже в России есть талантливые люди, которые достаточно скромны, чтобы не оспаривать пальму первенства у французских, немецких и прочих

литераторов, но которые могут, читая их бессмертные творения, сказать про себя: «И мы тоже художники». Да, натура повсюду величественна и прекрасна; повсюду она трогает наше сердце, вызывает в нем чувствительное начало, живущее как в душе дикаря, так и в душе Ж.-Ж. Руссо; повсюду есть люди, наделенные им в высшей степени; более других эти люди внимательны к явлениям мира физическим и моральным, получают от него более живые и более глубокие впечатления и выражают их с большею энергией и с более тонкими оттенками. Вот источник всех талантов и в особенности — источник поэзии, которую русские создавали задолго до времен Петра Великого. Есть у нас песни и романсы, сложенные два-три века тому назад, где мы находим самое трогательное, самое простодушное выражение любви, дружбы и проч. То пастушка оплакивает смерть своего возлюбленного, павшего в бою, его окровавленные одежды приносят ей, и она пытается смыть кровь своими слезами; то богатырь, странствующий рыцарь, скрепляет дружбу своею кровью и говорит брату по оружию: «Видишь ли ты сию гранитную скалу? Она выстояла против всех бурь. Столь же нерушимой будет моя дружба к тебе, ради тебя она выстоит против всех бурь житейских». То это юный пастух, который воспевает счастье своих овец куда натуральнее, чем г-жа Дезульер¹, и тем скрашивает скуку своего одинокого существования; то несчастный изгнанник бежит общества, углубляется в темные леса, живет с дикими зверьми и находит, что они менее жестокосердны, нежели люди. Во всех этих песнях такт очень размерен и очень разнообразен, все они проникнуты меланхолией и склонностью к нежной грусти, которые свойственны нашему народу и прекрасно выражены в очень простых, очень унылых, но очень трогательных напевах.

Есть у нас и старинные рыцарские романы (герои их обычно военачальники князя Владимира, нашего Карла Великого) и волшебные сказки — некоторые из них достойны называться поэмами. Но вот, милостивый государь, что поразит вас, быть может, более всего — года два назад в наших архивах обнаружили фрагмент поэмы, озаглавленной «Слово о полку Игореве»², которую можно поставить рядом с лучшими местами из Оссиана и которую сложил в двенадцатом веке безымянный певец. Энергический слог, возвышенно-героические чувства, волнующие картины ужасов, почерпнутые из природы, — вот что составляет достоинство этого отрывка, где поэт, набрасывая картину кровавого сражения, восклицает: «О, я чувствую, что моя кисть слаба и бессильна. У меня нет дара Бояна, этого соловья прошедших времен...» Значит, и до него были на Руси великие певцы, чьи творения погребены в веках. В наших летописях сей Боян не упомянут; мы не знаем, ни когда он жил, ни что он пел. Но дань уважения, воздаваемая его гению подобным поэтом, заставляет нас сокрушаться об утрате его созданий.

Когда Петр Великий сорвал завесу, скрывавшую от наших взоров жизнь цивилизованных народов Европы и успехи их искусств, тогда русский человек, униженный сознанием своей отсталости, но чувствующий, что он способен обучиться, захотел подражать иностранцам во всем — в образе жизни и в платье, в обычаях и искусствах; он переделал свой язык на манер и подобие немецкого и французского, и поэзия и словесность наши превратились в отзвук и отражение чужеземных поэзии и словесности.

С тех пор мы с успехом испробовали силы свои почти во всех жанрах литературы. Есть у нас эпические поэмы, обладающие красотами Гомера, Виргилия, Тасса; есть у нас трагедии, исторгающие слезы, комедии, вызывающие смех; романы, которые порою можно прочесть без зевоты, остроумные сказки, написанные с выдумкой, и т. д., и т. д. У нас нет недостатка в чувствительности, воображении, наконец — в талантах; но храм вкуса, но святилище искусства редко открываются перед нашими авторами. Ибо пишем мы по внезапной прихоти; ибо слабое ободрение не побуждает нас к усидчивому труду; ибо, в силу тех же причин, справедливые критики редки на Руси; ибо в стране, где все определяется рангами, слава имеет мало притягательного. Вообще же у нас больше пишут в стихах, нежели в прозе; дело в том, что под прикрытием рифмы более допустима небрежность, что благозвучную песню можно прочесть в обществе хорошенькой женщине и что сочинение в прозе должно содержать больше зрелых мыслей. <...>

